

— Режиссёр, это действительно не моя вина! — Глаза Ху Гуанжяня покраснели, он был на грани срыва. — Вы не можете из-за такого решать мою судьбу, мне было нелегко попасть в ваш проект, я...

Но Цзян Цяо остался непреклонен. Он резко повернулся, его голос громко прозвучал в тишине:

— Попасть в мой проект было нелегко, но я не вижу, что ты ценишь этот шанс. Немедленно исчезни с моих глаз! Если продолжишь ныть, вылетишь прямо сейчас.

Чжан Кайсин вздохнул, подошёл и потянул Ху Гуанжяня за руку:

— Малыш Ху, иди пока, обсудим позже.

Он обернулся и подмигнул Ван Юю:

— Идите, идите, разойдитеесь в разные стороны. Что с тобой, Ху младше тебя на два года, а ты с ним связался. Иди пиши объяснительную режиссёру, быстро!

Чжан Кайсин увёл Ван Юя и Ху Гуанжяня, а остальные зрители тут же разбежались. Цзян Цяо обернулся и увидел, что Тан Сю стоит позади и смотрит на него с лёгкой усмешкой.

Гнев в его груди словно погас, оставив лишь тлеющие угли. Вокруг никого не было, он быстро подошёл к Тан Сю и тихо сказал:

— Иди поужинай, зачем ты пошёл за мной?

Тан Сю повернулся и пошёл обратно:

— Пошёл посмотреть, как ты злишься.

— А, — Цзян Цяо на мгновение задумался, затем вздохнул. — Молодые актёры становятся всё более неуправляемыми. Второй инвестор «Плахи для лис» — ваша компания, иначе эти роли, возможно, никогда бы не достались им.

Тан Сю кивнул, подошёл к столу и взял коробку с едой, которую Цзян Цяо выбрал для него, затем вдруг сказал:

— С Ху Гуанжанем что-то не так.

— Что ты имеешь в виду?

— Вчера Чэнь Бин разбил чернильницу, я зашёл в его комнату помочь убрать и провёл там минут десять. Ху Гуанжань всё это время подслушивал у двери.

Цзян Цяо удивился:

— Зачем ему это?

— Вот именно, — Тан Сю усмехнулся, потирая переносицу. — Человек просто писал каллиграфию, я зашёл посмотреть, а он подслушивает. Зачем?

— Ты подозреваешь... — Цзян Цяо не закончил фразу. — Но это слишком надуманно.

Тан Сю кивнул:

— Возможно. Надо понаблюдать.

Он всё ещё чувствовал, что Ху Гуанжань похож на Лу Канцзина. Когда Цзян Цяо кричал на Ху Гуанжана, он как раз успел внимательно его рассмотреть. Но с головы до ног — черты лица, фигура, манера держаться, тон голоса — ничего общего. Откуда же это ощущение сходства?

Тан Сю вздохнул. Всё это было очень запутанно, а вчерашний вечер, когда Стяг сбора душ словно сошёл с ума, заставил его беспокоиться, что дело с подглядыванием Лу Канцзина может быть связано с несобранной душой.

— Как ты думаешь, из-за чего мог возникнуть конфликт между Ху Гуанжанем и Ван Юем? Ты ведь известен как строгий режиссёр, а они осмелились подраться в твоей съёмочной группе.

Цзян Цяо усмехнулся:

— Мир шоу-бизнеса слишком запутан, причин для конфликтов может быть масса, мне лень разбираться.

Тан Сю спросил:

— Поэтому ты, не разобравшись, просто выгоняешь их, если они тебя разозлили?

Цзян Цяо кивнул:

— Ага.

— Характер у тебя крутой, — Тан Сю усмехнулся.

— Это зависит от человека, — Цзян Цяо вдруг вздохнул, его голос стал мягче. — С тобой у меня нет такого характера. Ты всё ещё злишься из-за вчерашнего?

— Не спрашивай, — Тан Сю резко нахмурился.

Цзян Цяо вздрогнул:

— Ага.

На самом деле он хотел спросить, почему Тан Сю запрещает ему задавать вопросы. Но потом подумал, что, будучи холостяком всю жизнь, он, возможно, действительно не умеет вести себя в отношениях.

Нельзя спрашивать — значит, не буду. Даже о том, злится ли он, нельзя спрашивать, что уж говорить о том, чтобы узнать, что он за существо.

Цзян Цяо вдруг тихо вздохнул:

— Я довольно безнадежен.

Тан Сю поднял бровь, чувствуя, что сейчас услышит что-то странное.

И действительно, Цзян Цяо после паузы тихо сказал:

— Почти тридцать лет никого не любил, а когда наконец влюбился, оказалось, что это не человек.

— Ты кого это обзываешь? — Тан Сю стиснул зубы.

Неподалёку было несколько техников, обслуживающих съёмочное оборудование, он не мог показать свои истинные чувства, поэтому тихо сказал:

— Только ты человек, да? Гордишься этим?

Цзян Цяо был ошеломлён.

Тан Сю быстро поужинал в своей комнате. До начала съёмок оставалось около получаса. Он достал принесённые с собой йод и вату и постучал в дверь Ван Юя.

Если Ху Гуанжань тоже был подозреваемым, то не стоило его спугнуть. Сегодня, если он не ошибся, на руках Ху Гуанжана была кровь Ван Юя, а на лице Ван Юя были следы от двух пощёчин, хотя непонятно, откуда взялась царапина. Тан Сю решил разобраться в этом.

К его удивлению, дверь открыл Чжан Кайсин. Ван Юй сидел на кровати, его лицо было опущено. Раны на его лице, видимо, уже обработал Чжан Кайсин, крови не было, остался только след — небольшая царапина длиной около двух сантиметров, неровная, как будто от чего-то с острыми краями.

Чжан Кайсин, заметив, что Тан Сю смотрит на лицо Ван Юя, потянул его в коридор и тихо сказал:

— Ничего серьёзного, лицо немного опухло, царапина — это от кольца на руке Ху Гуанжана.

— Ага, из-за чего они всё-таки поссорились?

Чжан Кайсин махнул рукой:

— Наверное, из-за какого-то места. Эти двое, похоже, раньше сильно конкурировали, Ван Юй недавно отобрал у Ху Гуанжана участие в зимнем шоу в конце года. Я не смог выяснить подробности, и тебе лучше не лезть. Послушай меня, в этом кругу действительно лучше не вмешиваться в чужие дела.

Чжан Кайсин не пустил Тан Сю в комнату, и тому пришлось уйти, только перед этим он ещё раз заглянул внутрь через щель в двери.

Ван Юй сидел с пустым взглядом, его лицо было безучастным. Чжан Кайсин вздохнул:

— Он очень старался последние два года, хотел перейти в категорию серьёзных актёров, наконец получил важную роль в фильме Цзян Цяо, и всё рухнуло в одно мгновение.

Роль, которую играл Ван Юй, была ролью государственного советника человечества, действительно хорошая роль.

Перед тем как уйти, Тан Сю ещё раз мельком взглянул на него. Хотя сейчас он выглядел подавленным, во время скандала он вёл себя гораздо сдержаннее, чем Ху Гуанжань.

Он хорошо помнил, что Цзян Цяо хотел наказать их, и Ван Юй дважды просил за него, хоть и каждый раз говорил, что виноваты оба, но в отличие от Ху Гуанжана, который сразу начал

сваливать вину, он вёл себя достойно.

.....

Последняя сцена перед ужином была сценой между Тан Сю и Ху Гуанжанем. Ху Гуанжань весь день не выходил из комнаты и появился только перед самой съёмкой, выглядел он подавленно.

Цзян Цяо, увидев его, не смог сдержать недовольства:

— Актёры, приведите себя в порядок, не заставляйте всю съёмочную группу работать сверхурочно из-за вас.

Ху Гуанжань кивнул, поклонился в сторону Цзян Цяо, выглядел очень жалко:

— Режиссёр, я постараюсь сыграть хорошо.

Цзян Цяо всё ещё был раздражён, махнул рукой:

— Готовьтесь, начинаем.

Эта сцена была о том, как Сяо Бай решает отправиться в столицу человеческого мира вместе с Владыкой людей. Услышав это, Бай Фэн пришёл в ярость, предупреждая Сяо Бай об опасностях человеческой природы, но Сяо Бай был непреклонен и даже готов был порвать со своим двоюродным братом.

Тан Сю, увидев, что Ху Гуанжань подошёл, убрал сценарий. Освещение в съёмочном павильоне было ярким, и он заметил, что на лице Ху Гуанжана было немного тонального крема, но следов от крови, которая была у него в уголке рта в обед, не осталось.

Тан Сю усмехнулся:

— Ты в порядке?

Ху Гуанжань глубоко вздохнул и выдохнул:

— Ужасно.

Этот человек был прямолинеен, не любил притворяться. Тан Сю спросил:

— Тебе не стоит слишком ссориться с Ван Юем, вы всё равно будете встречаться, даже если у вас нет совместных сцен, не стоит доводить до разрыва.

Ху Гуанжань кивнул:

— Я понимаю, в обед погорячился.

Он не стал рассказывать больше, и Тан Сю не стал настаивать, но он чувствовал, что расстройство Ху Гуанжана было искренним. Цзян Цяо уже сказал, что больше не будет с ним работать, и он явно жалел о случившемся.

Тан Сю невольно оглянулся на Цзян Цяо. Этот парень действительно был строг, когда злился. Раньше он много раз слышал, что Цзян Цяо не стоит злить, но не придавал этому значения, только сегодня в обед он наконец увидел это своими глазами.

Цзян Цяо, заметив его взгляд, смягчил выражение лица и сказал в микрофон:

— Все готовы.

Несколько камер на рельсах приготовились, ассистентка хлопнула хлопушкой.

<http://bllate.org/book/16171/1449862>